

БИТКЕЕВ П. Ц.

ПРОБЛЕМА ДОЛГОТНОСТИ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОЙРАТСКОГО ЯЗЫКА

Фонологическая долгота гласных свойственна всем современным монгольским языкам, кроме дунсянского и баоаньского. Однако дискуссионным в монголистике остается вопрос о первичности или вторичности происхождения долгих гласных, а в последнем случае — и вопрос о времени их возникновения.

Традиционно считалось, что долгие гласные в монгольских языках вторичны и образовались путем слияния двух гласных при исчезновении интервокального согласного, чаще всего $\gamma \sim g$. Такая интерпретация оправдывалась прежде всего тем, что долгие гласные живых монгольских языков соответствовали старописьменному сочетанию $\Gamma + C + \Gamma$ — гласный + согласный (обычно $\gamma \sim g$) + гласный. Однако еще А. А. Бобровников подверг сомнению правомерность такой точки зрения. «Представляет ли монгольское письмо двусложными знаками древнее произношение новых долгих букв, — писал он, — или эти знаки были только изображение тех же самых долгих гласных, какие находятся ныне в живом языке? Трудно дать решительный ответ на этот вопрос, но мне кажется, что второе предположение вероятное» [1].

Анализируя механизм образования долгих гласных и другие факты современных монгольских языков, обоснованное положение выдвинул известный японский ученый Ш. Хаттори, согласно которому долгие гласные были в протомонгольском языке [2]. Это положение нашло как сторонников [3—6], так и противников [7]. Решению вопроса может способствовать и реконструкция фонологических систем монгольских языков и диалектов разных периодов их исторического развития, в частности, ойратского языка XVII в., хотя по вопросу о долгих гласных в ойратском языке существуют различные, порой диаметрально противоположные точки зрения. Согласно одной из них (характерной для традиционной монголистики), в ойратском языке XVII в. существовали долгие гласные фонемы [8—10], согласно другой — не было фонологической дифференциации гласных по длительности [11—13].

Исходной основой разных точек зрения по вопросу о долгих гласных в ойратском языке является расхождение в интерпретации вписываемого справа внизу от гласной буквы знака «удан» (—) в графической системе Ясного письма, созданного в 1648 г.

По установившейся традиции «удан» считался диакритическим знаком, передающим долготу предшествующей гласной буквы. Поэтому гласные буквы с «удан» в Ясном письме транслитерировались гласными буквами со знаком долготы, например, как \bar{a} , \bar{o} , \bar{e} . Действительно, если сравнить формы слов в ойратском и старописьменном монгольском написании, нетрудно обнаружить, что гласные буквы с «удан» в Ясном письме соответствуют старописьменным монгольским комплексам $\Gamma + C + \Gamma$, из которых образовались долгие гласные. Ср., например:

ойратский письменный	старописьменный монгольский	значение
<i>bātur</i>	<i>baγatur</i>	«богатырь»
<i>ulān</i>	<i>ulaγan</i>	«красный»
<i>dere</i>	<i>degere</i>	«наверху»
<i>temen</i>	<i>temegen</i>	«верблюды»
<i>bāxu</i>	<i>baγaxu</i>	«завязывать»
<i>dolōn</i>	<i>doluγan</i>	«семья»
<i>bārō</i>	<i>bögere</i>	«почка»

В современных монгольских языках в этих словах гласным с «удан» соответствуют долгие гласные или редуцированные гласные полного образования обычно того же качества. Ср. произношение слов, например, в калмыцком языке: *ba:tār, ulan, de:rà, temæn, bo:xà, dolan, bæ:rà*; в монгольском: *ba:tār, ula:ŋ, de:rà, temæ:, bo:xà, dolo:, bō:r*; в бурятском: *batār, ula:ŋ, de:rà, temæ:ŋ, bo:xà, dolo:ŋ, bō:rà*.

Однако в последнее время предложен ряд новых трактовок знака «удан», в связи с чем по-новому ставится и вопрос о долгих гласных в ойратском языке XVII в.

Так, по мнению монгольского ученого Г. Жамьяна, «знак (—) в Ясном письме был не диакритическим обозначением долготы соответствующего гласного, писавшегося слева от вертикальной строки, а самостоятельной буквой, посредством которой передавался долгий \bar{a} (или по закону гармонии гласных долгий \bar{e})» [14, с. 151; см. также 11, с. 259]. Согласно этому утверждению, слова, которые традиционно передавались как *sād* «помеха», *dēre* «наверху», *bōrō* «почка (анат.)», *ḵokōl* «сочинение», *dolōn* «семь», *dōrō* «стремя», *yabūd* «уйдя», *barīd* «держа», *xanīdum* «кашель», *arūr* «позади», транслитерируются по Г. Жамьяну, соответственно как *saād, deēre, bōēre, ḵokoāl doloān, dōrōē, yabuād, xaniādun, aruār*. При этом важно отметить, что долгие \bar{a} , \bar{e} выступают в «положении после предшествующей краткой гласной фонемы» [14, с. 151]. Следовательно, надо полагать, что буквы \bar{a} , \bar{e} не являются отражением самостоятельных долгих фонем.

Вместе с тем Г. Жамьян считает, что «удан» имел и другие функции — применялся в качестве разделительного знака при зиянии гласных (как, например, в памятниках монгольской квадратной письменности, ср. *ge'en* «светлый») и для передачи долгого гласного \bar{a} в словах, заимствованных из тибетского и санскрита (через посредство тибетского) [14, с. 151].

Мнение Г. Жамьяна об «удан» в Ясном письме и долгих гласных в ойратском языке нашло отклик у ряда известных монголистов. Дополнительные аргументы приводит известный монгольский ученый акад. Ш. Лувсанвандан: «Если сравнить эти два взгляда, привычный старый взгляд не исходит из того, что Ясное письмо и система его графики были созданы на основе внутриллингвистических факторов в соответствии с особенностями ойратских говоров, а базируется на европейской традиции обозначать долгие гласные с дополнительным знаком — черточкой или удвоенными буквами, расшифровывая буквы Ясного письма со знаком долготы или удвоенные гласные буквы применительно к бурятскому, халхаскому и другим восточным монгольским наречиям» [15, с. 104—105]. Ш. Лувсанвандан считает, что система Ясного письма, в частности, его графика были построены в соответствии с особенностями ойратских говоров, а также с учетом систем квадратной, санскритской и тибетской письменностей [15, с. 105].

Статью Г. Жамьяна перевел на русский язык Г. Д. Санжеев, где в комментариях к переводу, он высказал мнение, что «удан» передавал не долгие \bar{a} , \bar{e} , а ударные \acute{a} , \acute{e} [16, с. 153]. Однако в более поздней работе, посвященной истории письменности монгольских народов, гласные с «удан» он отразил в транслитерации двумя гласными буквами, разделенными апострофом, ср.: *ba'atur* «богатырь», *dolo'an* «семь», *ke'eli* «утроба», *bari'ad* «схватив» [12, с. 117—118].

Предложенный Г. Жамьяном способ транслитерации использован акад. Ц. Дамдинсурэном при передаче ойратского текста «Рамаяны», но в упрощенном виде — без обозначения долготы над второй гласной буквой: *zaan* «слон», *bosoad* «встав», *kōbōōn* «сын», *bōgōetōlō* «так пребывал» [13, с. 60—61].

Интерпретация знака «удан» в ойратской графической системе как самостоятельных гласных \bar{a} , \bar{e} (или \acute{a} , \acute{e}) явилась основанием для изменения хронологических рамок развития монгольских языков. «Долготные комплексы ОПЯ (ойратского письменного языка — Б. II.) позволяют теперь с большей уверенностью заключить, — пишет Г. Д. Санжеев, — что хронологические рамки среднемонгольской стадии развития наших языков

(гласный + гласный после выпадения интервокальных согласных и до слияния их в один долгий) следует раздвинуть примерно до половины или конца XVII в., а не до XV—XVI вв., как это было принято считать до сих пор применительно к основным монгольским языкам, т. е. халха-монгольскому и бурятскому, а также ойратским диалектам [12, с. 130—131].

Правильная интерпретация знака «удан» Ясного письма имеет исключительно важное значение как для установления фонематической системы ойратского языка, так и для определения состояния развития монгольских языков того времени.

Следует отметить, что интерпретация знака «удан» как долгих \bar{a} , \bar{e} весьма логично объясняет те случаи, когда «удан» находился после буквы узких огубленных гласных в позиции непервого слога слова. Как выше было показано, \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$ в словах типа *xarīd*, *xanīdun*, *yabūd* в современных монгольских языках соответствуют обычно открытые гласные низкого и среднего подъёмов, кроме монгор. *xarīli* «отдавать, возвращать».

Несмотря на кажущуюся новизну, положение Г. Жамьяна, однако, не подтверждается данными фонетического развития монгольских языков. Так, если знак «удан» передавал долгие или ударенные гласные \bar{a} , \bar{e} , (\acute{a} , \acute{e}), то эти гласные должны были обладать материально большей устойчивостью, чем предшествующий краткий гласный, следовательно, должны были сохраниться при дальнейших изменениях, которые дали монофтонгизацию дугласных. Поэтому в транслитерируемых, по Г. Жамьяну, примерах *böerö* «почки», *töe* «пядь», *toā* «число», *xoāsun* «пустой» должны были при слиянии сохраниться гласные \bar{a} , \bar{e} (или \acute{a} , \acute{e}). И тогда в современном калмыцком эти слова имели бы соответственно формы: *bæ:r*, *tæ:*, *ta:*, *xa:sàn*.

Однако в современном калмыцком, да и в других монгольских языках, в этих словах выступают не \bar{a} , \bar{e} , а огубленные гласные типа \bar{o} , $\bar{ö}$, например, калм. *bæ:rə*, *tæ*, *to*, *xo:sàn*.

Эти данные свидетельствуют о том, что толкование «удан» ойратского письма как специального знака долгих или ударенных гласных \bar{a} , \bar{e} (или \acute{a} , \acute{e}) не может быть применено к гласным с «удан» в позиции первого слога слова.

Утверждение, согласно которому использование дополнительных диакритических знаков (в данном случае знака «удан» для передачи долго-ты гласного) — это европейская традиция и, поэтому они не могли быть применены Зая-Пандитом, не согласуется с данными Ясного письма. На самом деле создатель ойратского письма широко использовал диакритические знаки для обозначения разных фонем. Например, буквы, передаваемые в транслитерации как *o*, *u*, *x*, *γ*, *g* имеют обязательные диакритические знаки — соответственно черточку справа вверх, черточку слева вниз, две точки слева, кружочек слева, «луночку» слева.

Таким образом, диакритические знаки были органической составной частью системы знаков Ясного письма, и нет основания считать, что долгота гласных не могла быть передана диакритическим знаком «удан». Другим возражением против трактовки «удан» как \bar{a} , \bar{e} (или \acute{a} , \acute{e}) является и такой фактор, как ограниченное употребление \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$ (со знаком «удан») главным образом в вариантах форм постфикса разделительного деепричастия, например: *barīd* «держа», *xalīxu* «смотреть», *tejīgsen* «кормивший», *yabūd* «пойдя», *irīd* «придя», их транслитерационные формы по Г. Жамьяну: *bariād*, *xaliāxu*, *tejīgsen*, *yabuād*, *iriād*.

Вариант на $\bar{i}d$ встречается в рукописях очень редко по сравнению с другими формами разделительного деепричастия, которые могут быть транслитерированы как $\bar{a}d$, $\bar{e}d$, $\bar{o}d$, $\bar{ö}d$, например, *abād* «взяв», *kürēd* «пойдя», *tegēd* «затем», *ögōd* «отдав». Правда, встречаются, хотя и редко, случаи написания \bar{i} , например, в форме орудного падежа: *buyudčir* «через Бугудчи», *talkir* «через Талки (местность)», *čuulir* «через Цуули (местность)», а также и в середине слова, например, *bičiči* «писарь, писатель», *tejīgsen* «вскормивший», *külīsün* «путы, связка». Однако в этих случаях

необходимо учесть, что исходная основа оканчивается на *i*: *buγudči-*, *talki-*, *čuuli-*, *biči-*, *teži-*, *kūli-*.

В этой связи, по-видимому, прав монгольский ученый Х. Лувсанбалдан, который, возражая Г. Жамьяну, пишет, что написание *i* в этих и аналогичных примерах — результат использования в Ясном письме морфологического принципа. Деля подтверждению он приводит такой факт: в 1957 г. на научной конференции в г. Урумчи, посвященной вопросам орфографии Ясного письма, было принято решение сохранять гласную букву *i* в конце основы при соединении суффиксов в словах гуттурального ряда, например, в основе *biči-* «писать» сохранять *i*, чтобы не получалось *bičēci* «писатель» [9, с. 44—45]. Это решение является, по Х. Лувсанбалдану, продолжением традиции Ясного письма, где применялся и морфологический принцип орфографии.

Можно предположить, таким образом, что написание \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$ в Ясном письме — орфографический способ сохранения в целостности основы. Гласный \bar{i} часто должен был передавать еще и мягкость предшествующего согласного. Например, орфограммы слов *xarīd* «возвращаясь (домой)» и *xarād* «карауля», *barīd* «держак» и *barād* «исчерпав» различаются гласными буквами \bar{i} , \bar{a} , которые позволяют сохранить основы слов *xari-*, *bari-* и передать мягкость предшествующего согласного *r'*. Поэтому орфографически вполне допустимо, чтобы \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$ передавали в непервых слогах слова гласные *iā*, *iē* или \bar{a} , \bar{e} и *uā*, *üē*. Для В. Л. Котвича это было настолько очевидным, само собою разумеющимся фактом, что он ограничился следующим: «Хотя в калмыцком алфавите есть начертание \bar{i} , которое могло быть с удобством служить для изображения долгого \bar{i} , но оно уже с давних пор употребляется для другой цели» [17, с. 20]. «Особого внимания заслуживает, — пишет далее В. Л. Котвич, — обозначение смягчения согласных, стоящих перед долгими гласными. Именно: \bar{i} служит для обозначения смягчения перед \bar{a} , причем особого знака для \bar{a} не пишется, \bar{i} перед \bar{u} , так что долгое \bar{u} изображается здесь без обычного второго кружка. Эти приемы можно сохранить и на будущее время» [17, с. 52].

Итак, гласные *i*, *u*, $\bar{ü}$ в непервых слогах слова служили: 1) для сохранения исходной основы слова и, возможно, передачи в некоторых случаях *i*, *u*, $\bar{ü}$ — образных элементов перед долгим гласным; 2) для обозначения долгих \bar{a} , \bar{e} в зависимости от сингармонической рядности слова, тем более, что имелись графико-орфографические возможности: во всех других случаях долгие или дифтонгоидные огубленные высокого подъема (узкие) гласные передавались удвоенными буквами *uu*, *üü*, сочетанием букв *ou*, *öü*, а узкий неогубленный долгий — сочетанием *iüi*, *yi*. Правильность чтения обеспечивалась тем, что долгие гласные высокого подъема артикуляции передавались графически другими способами, а именно: удвоенным написанием гласных букв или сочетанием разных букв. В тех ограниченных позициях, где буквы узких гласных имели диакритический знак «удан», они, по закону языка, не могли быть долгими. Все это может служить подтверждением правомерности предлагаемого Г. Жамьяном чтения букв узких гласных со знаком долготы \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$ как содержащих во второй части долгие \bar{a} или \bar{e} .

Вместе с тем позиционно ограниченное употребление в непервых слогах «удан» справа от гласных букв, передаваемых в транслитерации как \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$ является фонстически и орфографически обусловленным и графически допустимым частным случаем использования этого знака для передачи долгих \bar{a} и \bar{e} . Это, однако, не дает основания считать, что знак «удан» служил для передачи долгих или ударенных гласных \bar{a} , \bar{e} (или \acute{a} , \acute{e}) во всех без исключения случаях, как это предлагают сторонники новой трактовки значения «удан».

Во-первых, как уже было показано выше, попытка применить положение Г. Жамьяна для первого слога слов вступает в противоречие с законами развития гласных в монгольских языках. Во-вторых, отождествление «удан с долгими \bar{a} , \bar{e} строится без достаточного учета истории возникновения долгих гласных в монгольских языках, которые образова-

лись, как известно, не только из комплексов, но и из монофтонгов. Это очень хорошо прослеживается в Ясном письме. Так, гласные в форме исходного и орудного падежей, которые в старописьменном монгольском имели одинарные гласные буквы, в Ясном письме писались уже с «удан»: *-ēse*, *-bēr*. С «удан» писались и конечные гласные в постфиксе соединительного падежа *-luγā*, *-lügē*, которые имели еще и сокращенные формы *-lā*, *-lē*, они восходят к старописьменным монгольским *-luγ-a*, *-lüge*. С долготой стали писаться и гласные в некоторых основах, например, *saγān* «белый», *xibilγān* «перерожденец», ср. старописьменный монгольский *saγan*, *xibilγan*.

Эти данные наглядно показывают написание «удан» там, где не было комплексов Г + С + Г. Следовательно, в таких случаях гласные с «удан» не могут быть переданы, согласно новой интерпретации «удан», как гласные *ā* или *ē*.

В-третьих, отождествление «удан» с долгими гласными *ā*, *ē* противоречит губной гармонии, присущей орфографии Ясного письма. Например, в *ödö* (*bolxu*) «посетить, прибыть» (высокий стиль), *ǰokōγson* «сочинивший», *bōgō* «почки», *ǰōlōn* «мягкий» после долгих *ō*, *ö* (огубленных гласных с «удан») следуют краткие *o*, *ö*, вместо которых при трактовке огубленных *ō*, *ö* с «удан» как *oā*, *öē*, должны употребляться другие буквы неогубленных гласных.

В этой связи трудно согласиться и с другим положением Г. Жамьяна, согласно которому в ойратских говорах XVII в. не было долгих *ō*, *ö*. Тем более, что существовали, по его мнению, долгие *ā*, *ē*, *ū*, *ü* [14, с. 152], правда, в постпозиционном сочетании с краткими гласными.

В-четвертых, в пользу наличия долгих гласных, в том числе и *ō*, *ö*, свидетельствует и грамматическое сочинение «Тарни унших аргыг хураасан» [9, с. 328—329].

Дополнительными, хотя и косвенными, данными в пользу наличия в ойратском языке (указанного периода) долгих гласных могут служить памятники монгольского языка XIII—XIV вв., созданные среднеазиатскими и арабскими филологами. Это сочинение 1245 г. анонимного арабского автора [18], труд Ибн-Муханны (начало XIV в.) [19] и особый интерес представляющий словарь Мукаддима ал-Адаб [19], где долгие гласные встречаются почти повсеместно, например, *čālsun* «бумага», *nādun* «играл», *qāna* «где», *hulān* «красный», *kēr* «темногнедой», *dēre* «наверху», *emēl* «седло», *bōl* «раб», *tōriba* «кружился», *būrul* «седой», *amuulan* «отдых», *turū* «копыто», *kūjūn* «шея», *hūbe* «вонял», *nūresün* «уголь», *kōbe* «распух», *sōn* «малый», *ǰōbe* «приобрел», *ōren* «сам», *gerin* «дома (род. п.)», *berin* «невесты (род. п.)», *urcin* «ювелира (род. п.)», *im* «такой». В словаре содержатся, правда, и такие написания, как *ǰa'ün* «сто», *ǰa'an* «слон», *e'ūden* «дверь», *ke'ōsen* «пена» [19, с. 17, 18, 23, 25, 27, 71]. Долгие гласные отражены также и в глоссарии Ибн-Муханны, например, *nūl* «грех», *bičēci* «пишущий», *bōl* «раб», *dolān* «семь», *kōkūr* «мех для вина» [19, с. 434, 436, 440]. Долгим гласным в этих словах соответствуют в современных монгольских языках (монгольском, калмыцком, бурятском) долгие гласные фонемы обычно того же качества. Долгие гласные зафиксированы и в «Зирни манускрипт» [20].

Другими источниками, по которым в той или иной мере можно судить о состоянии развития долгих гласных в монгольских языках XIII—XIV вв., являются тексты «Сокровенного сказания» (1240 г.) и памятники квадратного письма, созданного в 1269 г. Например, транслитерация «Сокровенного сказания» содержит различные сочетания и удвоения гласных букв типа *saari* «крестец», *hurui* «вниз (по течению)», *eenekči* «только, исключительно», *qauli* «правило», *neuri* «кочевка, переезд» [21]. Иногда они передаются и гласными буквами с долготой: *adūsun* ~ *adu'ūci(n)* «табушник», *inēgu* ~ *ine'egu* «смеяться» [22]. Однако о точности отражения ими реальных фонетических данных монгольского языка XIII в. говорить трудно,

ибо они — транслитерация текста, сохранившегося в китайской иероглифической транскрипции.

Исследователи отмечают исчезновение в квадратном письме интервокальных согласных γ , g в комплексах, из которых образовались долгие гласные. Вместо старописьменных γ , g в квадратном письме употребляется «айн», передаваемый в транслитерации буквой h или точкой. Букву «айн» обычно рассматривают в монголистике как своеобразный разделитель двух смежных гласных, еще не слившихся в один долгий гласный и принадлежащих двум соседним слогам [23, с. 214; 24, с. 23—24; 25].

Однако исследования последних лет заставляют пересмотреть это традиционное положение. Анализируя буквы квадратного письма и древнеиндийского алфавита, акад. Ш. Лувсанвандан установил, что букве a квадратного письма соответствовала в древнеиндийском краткая буква a , букве «айн» квадратного письма — долгая гласная буква [26, с. 31]. «Это является свидетельством того, — пишет Ш. Лувсанвандан, — что люди на местах с давних пор различали a — „большую“ и a — „ковш“ («айн». — Б. П.), как краткий и долгий гласные» [26, с. 32].

Следовательно, буква «айн», которая стоит в ряду согласных букв квадратного письма, использовалась, по Ш. Лувсанвандану, в качестве долгой гласной буквы. Поэтому он предлагает и транслитерировать как *gaïn* «хан», *duïlqaue* «дать понять», *č'eriïdun* «войска» вместо традиционных *qa'an*, *du'ulqaue*, *č'eri'udun* или *qa'an*, *du'ulqaue*, *č'eri'udun* и др.

Вывод Ш. Лувсанвандана о том, что с помощью «айн» передавали в квадратном письме долгий гласный, вносит изменение в традиционное для монголистики представление о степени развития долгих гласных в монгольском языке, однако не дает нам основания утверждать, что письмо отражало долгие гласные фонемы. Существенное значение для определения оппозиции гласных по признаку долготности имеет анализ орфографии. Основным же в квадратном письме был слоговой принцип орфографии, по которому каждый слог получал отдельное написание. По общей фонологии, если два смежных гласных относятся при слогаделении к одному слогу, то они представляют одну фонему. Поэтому если бы «айн» был своеобразным разделителем, как это представляли в транскрипции, например, *qa'an*, то слоговая граница должна была бы проходить, как это считалось раньше, между двумя гласными, и слово делилось бы на два слога. Однако в квадратном письме это слово пишется в один слог. Если два одинаковых по качеству гласных относятся к одному слогу, как это имеет место в приведенных выше словах *qaïn*, *duïlqaue* и др., и если один из них долгий, то невозможно их смежное употребление в одном слоге, особенно в монгольском языке, который не терпит сочетания гласных. Поэтому логично считать, что буква «айн» передавала в квадратном письме долготу гласных, которые фонематически противопоставлялись кратким фонемам.

Таким образом, рассмотренные выше графические данные не оставляют сомнения в отношении бытования долгих гласных в монгольских языках XIII и начала XIV в. Если это так, то нет оснований отрицать наличие долгих гласных в ойратском языке, который относится хронологически к более позднему периоду. Правда, верно и то, что не все монгольские языки развивались синхронно, соответственно чему долгие гласные могли появляться в различных монгольских языках и наречиях в разное время. Однако материалы современного калмыцкого языка и ойратских говоров говорят о том, что они не могли отставать в фонетическом развитии от других монгольских языков, а такие явления, как монофтонгизация дифтонгов, которая свойственна только калмыцкому языку, и последовательно сильная редукция гласных показывают, что ойратский язык опережал в фонетическом развитии другие монгольские языки, в том числе монгольский и бурятский.

Долгие гласные ойратского языка зафиксированы и в записях, относящихся ко второй половине XVII и XVIII в. Так, Н. Витсен в 60-70-х годах XVII в. зафиксировал в ойратском языке долгие гласные путем удвоения гласных или сочетанием разных букв. Примеры: *çob* «прямой»,

koktoб «выпивший», *заап* «слон», *temian* «верблюд», *czeeken* «мало», *koutaγa* «нож», *keoken* «дитя» [27, с. 27—30]. В записях В. Страленберга, относящихся, правда, к несколько более позднему времени (первая четверть XVIII в.) также получили отражение ойратские долгие гласные, для передачи которых В. Страленберг использовал, кроме удвоения и сочетания гласных, еще и такой способ, как сочетание гласного с *h*, характерный для обозначения долгих гласных в графической системе немецкого письма. Примеры: *utaan* «пожарище», *kalloon* «жарко», *idee* «кушать», *dohla* «я пою», *kihlin* «рубашка» [27, с. 186, 187, 192].

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Знаком «удан» обозначали в Ясном письме долготу гласных, фонематически противопоставленных соответствующим кратким гласным: *dāraxu* «мерзнуть» — *daraxu* «давить», *dāre* «наверху» — *der* «подушка», *tōsun* «пыль», — *tosun* «масло», *tōrikü* «блуждать», — *tōrikü* «родиться».

2. Графическая система Ясного письма, по-видимому, допускала ограниченное использование знака «удан» для передачи и долгих гласных \bar{a} , \bar{e} в позиции непервого слога слова путем его сочетания с буквами *i*, *u*, \bar{i} .

Вопрос о долгих \bar{u} , $\bar{ü}$, \bar{i} , $\bar{ï}$, их фонематической сущности в ойратском языке вызывает различные суждения, поскольку Ясное письмо не дает прямых свидетельств бытования узких долгих гласных. За исключением отмеченных выше редких случаев написания с «удан», в Ясном письме употребляются удвоенные написания гласных *uu*, $\bar{üü}$, или сочетание гласных *ou*, $\bar{öü}$, например *ijuur* «корень», *düüren* «полный», *doudaxu* «позвать», *döü* «младший (по возрасту)», которые породили высказывания о «фонематических нормах промежуточной ступени» [24, с. 78] и «незавершенности образования долгих гласных» [28]. С этим можно согласиться, поскольку дифтонгоидные сочетания узких гласных в монгольских языках сохраняются, как показывают исследования, дольше, чем аналогичные сочетания открытых гласных.

Однако, если судить по памятникам XIII—XIV вв., узкие долгие гласные бытовали в монгольских языках задолго до XVII в. В записях Н. Витсена, относящихся ко второй половине XVII в., встречается сочетание *ou*, ср.: *doulan* «тепло», *oula* «гора», *toula* «заяц», *koura* «сухой». Несколько позже, в начале XVIII в., В. Страленберг зафиксировал долгие узкие огубленные гласные. Они переданы сочетанием гласного с *h* и путем удвоенного написания гласного, ср.: *buhral* «седой», *çui* «рама», *duhrgä* «наполнил», *kukuhr* «сосуд» [27, с. 32, 34, 37].

Данные Н. Витсена не дают основания для безоговорочного утверждения, что ойратскому языку были свойственны долгие узкие огубленные гласные. Но если ойратский \bar{u} имел неоднородную артикуляцию составляющих его элементов, то он мог быть воспринят Н. Витсеном на слух как сочетание двух огубленных гласных и передан при транскрипции буквами *ou*. Кроме того, даже если допустить, что в ойратском языке были дифтонги *ou*, $\bar{öü}$, то их вторые элементы, согласно фонетическим законам монгольских языков, должны были быть долгими, потому что из них затем образовались долгие $\bar{ü}$: *u*:, например: *oula* «гора» > $\bar{u}la$ > *u:lɑ*, ср. ст.-п. монг. *aγula*; $\bar{ö}len$ «облако» > *illen* > *γ:lən*, ср. ст.-п. монг. *egülen*. Зато записи В. Страленберга, как и другие материалы монгольских языков, достаточно убедительно подтверждают положение грамматического сочинения XVII в. «Тарни унших аргыг хураасан» о долгих огубленных гласных высокого подъема в ойратском языке. Графемы Ясного письма, транслитерируемые как *uu*, $\bar{üü}$, были, по-видимому, продолжением традиции монгольского письма, по которой в некоторых случаях долгие гласные, но чаще \bar{u} , $\bar{ü}$, передавались удвоенным написанием типа *uul* «тот самый», *sooxur* «рябой», *buu* «ружье», *degüü* «младший (по возрасту)», *ilegüü* «лишний» [23, с. 249]. Обозначение долгих гласных удвоенным написанием гласных букв довольно широко использован и в исторических хрониках бурят: *jala-a* «кисточка на шапке» в м. ст.-п. монг. *jalaγ-a*, *duulγ-a* «шлем, каска» в м. ст.-п. монг. *duγulγ-a*, *niilekü* «объединиться» в м. ст.-п. монг. *niγilekü*, *nuur* «озеро» в м. ст.-п. монг. *naγur* и др. [29].

Графемы, транслитерируемые здесь как *ou*, *öü*, передавали в одних случаях, возможно, и дифтонгоидный характер фонем, а в других — служили для сохранения графико-орфографических различий старого монгольского письма, которым ойраты пользовались параллельно. Например, ойр. п. *иихи* «пить», ср. ст.-п. монг. *иүихи*, ойр. п. *оихи* «переливать жидкость», ср. ст.-п. монг. *аүихи*, ойр. п. *сууту* «выдающийся, гениальный», ср. ст.-п. монг. *сууту*, ойр. п. *соухи* «сидеть, садиться», ср. ст.-п. монг. *саүихи*.

Такого рода написания довольно последовательно проводились в ойратском письме, особенно в начальный период его существования. Правда, это зависело от степени грамотности пишущего, от его знаний старописьменного монгольского языка. Однако во многих случаях ощущалось сильное влияние живого языка, где различия между *ou* и *uu*, *öü* и *üü* давно утратили силу, произносились как \bar{u} , $\bar{ü}$, поэтому в одних текстах можно встретить написание *souxu* «сидеть, садиться» [30, л. 2], а в других — *suuxu* [31, л. 3]. Даже в одном и том же тексте можно встретить двойное написание, например, *köböün* ~ *kübüün* «сын, мальчик», *noγoudi* ~ *noγuudi* — показатель мн. числа [31, л. 3].

То же самое можно сказать и о долгом \bar{i} переднерядной артикуляции в ойратском языке, хотя образование долгого \bar{i} проходило несколько своеобразно в монгольских языках, а в некоторых из них, например, в баоаньском языке, где признак количественности является фонематически несущественным, отсутствует долгий \bar{i} при наличии краткого *i* [32].

В старом монгольском письме долгий \bar{i} передавался, как известно, удвоенным написанием, например *siidburi* «решение», *хайихи* «побелеть». Эта же традиция была принята и в ойратском письме с той лишь разницей, что между двумя буквами *i* вставлялась буква *y*, например, *nomiyin* «книги (род. п.)», *bičigiyin* «письма (род. п.)». И сочинение «Гарни унших аргыг хураасан», определенно указывает на наличие долгого \bar{i} в ойратском языке.

К наиболее сложным относится вопрос о долгом \bar{i} заднерядной артикуляции, поскольку в ойратском письме, да и в других монгольских письменностях, не было специальных буквенных знаков для \bar{i} и \bar{i} , отличных от мягкорядных *i* и \bar{i} .

Г. П. Мельников считает, что образование долгого \bar{i} в монгольских языках было невозможно из-за антропофонических трудностей. «Предположения о существовании регулярного противопоставления гласного *y* по признаку долготы, — пишет он, — вообще не имеет оправданий, так как развитие долгого *y* требует преодоления еще больших антропофонических трудностей» [33]. Ссылку на «антропофоническую трудность» нельзя считать убедительной. Для носителей языка, как известно, нет трудных и легких звуков. Однако зафиксировать долгий \bar{i} в монгольских языках не удавалось, хотя можно говорить о рефлексах, сохраняющих в какой-то мере качество исходного варианта краткого *i*. Правда, долгий \bar{i} заднерядной артикуляции удалось зафиксировать автору настоящих строк в монгольском языке Тувы, но он имеет ограниченное употребление [34]. Причина отсутствия долгого \bar{i} в монгольских языках заключается, в частности, в том, что в комплексе Г + С + Г старого монгольского письма, после интервокального согласного γ гласный \bar{i} не выступал. Поэтому \bar{i} не имел возможности удлиняться, так как согласно схеме образования долгих гласных, по Ш. Хаттори, Г + С + Г, удлинялся лишь гласный, который следуя за согласным [2, с. 61], как правило, сохранял свое качество. Б. Я. Владимирцов вывел гипотетически лишь одну форму древнего монгольского языка, где \bar{i} выступал после интервокального γ : **tūγiraγ* «дюжий», *čigiraγ* *čī rāk* [23, с. 199]. Другая причина отсутствия долгого \bar{i} — неустойчивость краткого \bar{i} в фонематических системах монгольских языков.

Таким образом, ни ранние записи ойратской и монгольской речи, ни анализ графических данных Ясного письма не дают основания считать, что ойратский вокализм имел долгий \bar{i} заднерядной артикуляции.

Признаки долготности распространялись в ойратском языке и на дифтонги. Однако следует различать дифтонги, вторым компонентом которых

был любой гласный, кроме *i*. Такие дифтонги были восходящими и выступали как оттенки соответствующих долгих гласных. Об этом свидетельствуют и данные Ясного письма, где *ou*, *öü* нередко чередуются с *uu*, *üü*. например, *doubbai* «пригласил» [31, с. 6], *duuyār* «по голосу» [31, с. 11], *oroulbai* «послал» [31, с. 17], *oruulun* «послав. направив» [31, с. 15] или встречаются параллельные формы *kü'öün* ~ *kü'üün* «шея» [31, с. 27]. В современных монгольских языках сочетаниям *ou*, *öü*, *iu*, *iü* соответствуют долгие гласные *u*: *ü*: (или *y*:), например, ойр. п. *nour* «озеро», *jöün* «игла», *ariun* «чистый», *terigüün* «первый», ср.: калм. *nur* (*nu:rta*), *zyn* (*zy:tæ*), *æyn*, *tyryn*; монг. *nu:r*, *dzü:*, *ar'u:ŋ*, *tergü:ŋ*; бур. *nu:r*, *zū:ŋ*, *ar'u:ŋ*, *tergü:ŋ*.

Дифтонги же на *-i* были также долгими, но нисходящими, в памятниках встречаются чередования их с долгими гласными, соответствующим первому компоненту, например, ойр. п. *noxoi* «собака» [31, с. 39], но *noxödu* «собаке» [31, с. 39]. Да и в современных ойратских говорах на месте ойр. п. дифтонгов на *-i* выступают долгие гласные или долгие дифтонги, например, в дэрбэтском говоре монгольского языка: *maxlāi* «шапка» < ойр. п. *mal'ai*; *oe* ~ *öi* «лес» < ойр. п. *oi*; *ji* с «скот» < ойр. п. *üyis* [35] или *melkē* «лягушка» < ойр. п. *melkei*, *nām* «восемь» < ойр. п. *nayiman* [36]. В современном калмыцком языке долгим дифтонгам ойратского письменного языка соответствуют долгие и редуцированные гласные полного образования.

Итак, все вышеизложенное дает основание прийти к следующим выводам:

1. В ряде монгольских наречий XIII в. уже существовали долгие гласные, которые передавались на письме чаще всего как Г + С + Г, где С обычно *γ* ~ *g*, что подтверждает правильность предположения А. Бобровникова о долгих гласных в монгольских языках XIII в.

2. Широко представленные в ойратском языке долгие гласные (монофтонги, дифтонги) получили наиболее последовательное письменное выражение в Ясном письме. созданном в середине XVII в. Долгие монофтонги графически передавались посредством знака «удан», а также удвоения или сочетания гласных букв.

3. Долгими были в ойратском языке и дифтонги, которые делились на две группы: нисходящие и восходящие. Определяющим был второй элемент. Дифтонг был нисходящим при втором элементе *i*, а во всех других случаях — восходящим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 14.
2. Hattori S. The length of vowels in Proto-Mongol.— *Studia Mongolica*, 1961, t. 11, fasc. 17—23.
3. Poppe N. The primary long vowels in Mongolian.— *JSFu*, 1962, № 63, 2.
4. Ligeti L. Les voyelles longues en moghol.— *A O*, 1964, t. XVII, fasc. 1.
5. Weiers M. Zu den langen Vokalen in der Moghol Sprache.— *ZAS*, 1970, № 4.
6. Mirayama S. Die Entwicklung der Theorie von den primären langen Vokalen im Mongolischen.— В кн.: *Mongolian studies*. Budapest, 1970.
7. Doerjé G. Langvokale im Urmongolischen? — *JSFOu*, 1964, № 65; 1970, № 70.
8. Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.
9. Лувсанбалдан Х. Тод үзэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975.
10. Биткеев П. Ц. Калмыцкий и ойратский вокализм: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1981.
11. Жамьян Г. Тод үсгийн зөв бичих дүрэмд урт эгшгийг хэрхэн тэмдэглэсэн тухай асуудал.— *Монголын судлал*, 1970, 7-р боть.
12. Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в историю письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
13. Дамдинсүрэн Ц. «Рамаيان» в Монголии. М., 1979.
14. Жамьян Г. Обозначение долгих гласных в ойратском Ясном письме.— *Народы Азии и Африки*, 1970, № 5.
15. Лувсанбалдан Ш. Дөрвөлжин, тод үсгийн зөв бичих дүрэмд монгол хэлний урт эгшгийг хэрхэн тэмдэглэсэн нь.— *Хэл зохиол*. 1970, 7-р боть.
16. Санжеев Г. Д. От переводчика.— *Народы Азии и Африки*, 1970, № 5.
17. Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Пг., 1915.

18. *Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift.— Изв. АН СССР, 1927, № 12—17; 1928, № 1.
19. *Poppe H. H.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. I—II. М.— Л., 1938.
20. *Iwamura Sh.* The Zirin manuscript. Kioto, 1961.
21. *Козин С. А.* Сокровенное сказание (Юань Чао би ши). М.— Л., 1941, с. 581, 588, 592, 593.
22. *Hainisch E.* Wörterbuch zu Monghol in Niuca Tobca'an (Yuan-chaopi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962.
23. *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
24. *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953.
25. *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность монголов. М.— Л., 1941, с. 30—31.
26. *Лувсанвандан Ш.* Монголын дөрвөлжин үсгийн их А, шангаган А-гийн тухай асуудалд.— *Studia Mongolica*, 1978, t. VI. fasc. 6.
27. *Doerfer G.* Ältere Westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte. Wiesbaden, 1965.
28. *Убушаев Н. Н.* Деловые бумаги на старокалмыцкой письменности как источник изучения истории калмыцкого языка.— В кн.: 320 лет калмыцкой письменности. Элиста, 1970, с. 119.
29. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и их родословные. (Историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. с. 309—311.
30. *Biography of Saaya Pandita in Oirat characters.* Ulanbator, 1967.
31. Биография Зая-пандиты. Рукопись библиотеки Восточн. ф-та ЛГУ. Хул. Q 541, Сalm. 20.
32. *Годаева Б. Х.* Баоаньский язык. М., 1964, с. 5.
33. *Мельников Г. П.* Монгольский вокализм как система и алтайская гипотеза.— В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 302.
34. *Биткеев П. Ц.* Твердорядный гласный *i* в монгольском языке Тувы.— Уч. зап. КНИИ ЯЛИ, 1973, вып. XI, сер. филол., с. 112—113, 116—117.
35. *Вандуй Э.* Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1963, х. 157, 159, 163.
36. *Kara G.* Notes sur les dialectes oirat de la Mongolie Occidentale.— АО, 1963, t. 8, fasc. 2, p. 134.